

Инна ОНОПРИЕНКО

(Белгород, Россия)

**К вопросу об источниковой базе
изучения дворянского быта
в пореформенный период
(на примере Центрального Черноземья)***

Вторая половина XIX ст. – эпоха качественных изменений во всех сферах российского общества, понять и осмыслить масштабы и значение этих перемен нельзя без анализа истории первого сословия – дворянства. Именно ему принадлежала ведущая роль в экономической, политической и культурной жизни страны. Поэтому все происходившие преобразования затронули прежде всего дворянство, в том числе его повседневную жизнь, быт, где изменения проявились наиболее наглядно. Не случайно в последнее время история повседневной жизни привлекает все большее количество исследователей широким спектром проблем, возможностью вовлечения в научный оборот ранее не использованного источникового материала.

Источниковую базу исследования составили архивные и опубликованные материалы. Первые представлены документами, хранящимися в Государственных архивах Белгородской, Курской, Воронежской и Тамбовской областей. Документы, отражающие хозяйственный аспект жизни усадеб и содержащие их описания, сведения о постройках, данные о материальном положении дворян, описи имений, отчеты, расходы денежных средств – сосредоточены в фондах дворянских опеков [4, 15, 22].

Расход денежных средств в дворянских семьях строго фиксировался. Так, в имении дворянки Е.М. Воропановой в Рыльском уезде Курской губернии опекуном над ее имением и двумя сыновьями было записано в расход (в руб.):

«в 1878 г. – на содержание 2 наследников – 300, на наем квартиры наследникам и опекуниши – 50, на покупку дров и освещения квартиры – 29, на наем кухарки – 24, уплачено становому при-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект №09-01-55101 аЦ.

ставу Воеводину за планы и полевые работы – 30, на наем лошадей по делам опекунши – 10, на содержание опекунши и продовольствие – 59,27; итого 502,37 руб.» [15, оп.1, д.921, л.17 об.].

В описаниях помещичьих имений Курской губернии есть информация о покупках. В основном это те продукты, которые не производились и не выращивались в имениях: «сахар, чай, говядина» (в имении В.В. Ивановой в Рыльском уезде [15, оп.1, д.844, л.35], «лакомство, конфеты детям, вишня шпанская, абрикос и сахар для варенья» (в имении Н.И. Булгаковой) [15, оп.1, д.909, л.42 об.-43], «рыбьего жиру, масла конопляного, рыбы таранки, соли» (в имении П.П. Волкова) [16, оп.1, д.161, л.2].

Информация об изменении экономического положения дворянства вследствие реформ, об утверждении в правах наследственными и купленными имениями, отказе от наследства, судебные дела о разделе имений, о продаже имений для погашения долгов, о выдаче ссуд для залога имений, о разделе имений содержится в фондах: окружного суда [9], губернского правления [10], палаты гражданского суда [11], отделения государственного дворянского земельного банка [23], дворянского депутатского собрания [6].

Особый интерес представляют личные фонды помещиков Бурнашевых, Салтыкова-Головкина, Курдюмовых, Гангардтов [16]; И.В. Старова [3], И.А. Григорьева [5], А.Г. Языкова [24], В.М. Андреевского [26], В.Г. Безобразова [19], В.Д. Яковлева [25], в которых хранятся личная и деловая переписка, описания имений, документы об их покупке, духовные завещания.

Документы освещают разные стороны жизни дворянства, например, семейные отношения (рождения, разводы) [8]; отношения помещиков и крепостных [12, 17, 18]; образ жизни, имущественное положение [7], случаи нетрезвого, разгульного образа жизни и расточительности помещиков [21]; распределение пособий нуждающимся мелкопоместным владельцам губернии [6], расходы на лечение в городских больницах бедных дворян, и др.

В пореформенный период лишённые имений, обедневшие помещики вынуждены были обращаться за помощью. Дворянка А.М. Белявская писала предводителю Тамбовскому дворянства: «Ваше Превосходительство, Николай Александрович! ... Осмеливаюсь просить, прострите руку помощи к той несчастной... нередко почти без дневного пропитания, в особенности при болезненном состоянии». К прошению прилагалось свидетельство о ее материальном положении:

«Свидетельство дано сие от Тамбовского Полицмейстера А.М. Белявской, вследствие поданной от нее просьбы и на основании произведенного дознания для представления его по бедности пособия в том, что она постоянно проживает в г. Тамбове, не имеются никакие имения и будучи обязана большим семейством, находится в крайней бедности. Поведения она хорошего. В чем и свидетельствую моим прошением» [21, оп.1, д.7119, л.28 об.-29].

Часть помещиков, вследствие изменения их статуса и материального положения, а часто и разорения, вели нетрезвый и непристойный образ жизни.

«... Он имеет двоих детей, с женой своей не живет, а находится на квартире, без всякой надобности у разных лиц берет денежные векселя и в настоящее время не имеет средств к содержанию своему», – писали о тамбовском дворянине Д.А. Михайлове [21, оп.1, д.7326, л.16]

О нетрезвом и развратном образе жизни вдовы тамбовского поручика Г. Кошкарова Лидии Федоровны опекун над имением уведомлял уездного предводителя дворянства:

«Мать двоих детей предается нетрезвой жизни, окружив себя обществом неприличным для благородной женщины, созывает прислугу с соседними помещиками в дом и предается с ними своей слабости. Обстоятельства эти оказывают пагубное влияние на детей. Опасаюсь, чтобы она не в трезвом виде не сожгла дом. Говорил ей что не пристойно себя вести» [21, оп.1, д.7328, л.1-2].

Многие из провинциальных дворян не могли позволить себе обучение детей в столичных учебных заведениях. В начале XIX в. открывались училища для дворянских детей в губерниях Центрального Черноземья. В Курске дворянское училище «для 50 человек неимущих дворянских детей» было учреждено в 1831 г. [5, оп.3, д.5, л.5]. Оно было открыто для детей дворян, имеющих не более 30 душ крестьян или обремененных большими семействами [5, оп.1, д.30, л.8]. Сведения об отношении дворянства к образованию есть в документах фондов учебных заведений: Курской женской [13] и мужской [14] гимназий, Белгородской мужской гимназии [1], Грайворонской женской гимназии [2], Тамбовской губернской мужской гимназии [20]. В них находятся личные дела учеников, прошения о поступлении, аттестаты об оконча-

нии учебных заведений, отчеты гимназий. В личных делах содержатся доверенности, переписка, выписки из родословных книг. Особенно интересны «Прошения» родителей о приеме учеников в учебные заведения. Они позволяют оценить возрастной состав будущих учеников, показывают мотивы, заставляющие родителей отдавать детей в то или иное учебное заведение.

Те семьи, которые не могли оплатить образование детей (из-за потери кормильца, разорения вследствие реформ и др.), просили, чтобы детей взяли на обучение на казенный счет. Примеров подобного рода во второй половине XIX в. много. Так, вдова коллежского регистратора Варвара Антоновна Калужникова писала в Прощении, поданном в Рыльское уездное дворянское собрание Курской губернии:

«Имея дочь Зою 15 лет и сына Николая Тимофеевича Калужникова, обучающегося в настоящее время в 3-м кл. 6-го отдела Рыльского городского училища и землю в Рыльском уезде 20 ½ десятин, по случаю неурожая в нынешнем году хлебов, я не в состоянии даже воспитывать сына моего Николая в сказанном училище, а потому покорнейше прошу дворянское собрание сделать распоряжение об ассигновке – сколько-нибудь денежной суммы на содержание Николая, находящегося в городском училище» [17, оп.18, д.1901, л.60].

Среди опубликованных источников по данной теме есть материалы официальной статистики (статистические обозрения и переписи населения [37, 38]), справочные издания («Памятные книжки» и «Обзоры» губерний), которые содержат обобщающую информацию о численности городских жителей, числе учебных заведений в губерниях, количестве учащихся в разных учебных заведениях и т.д.

Например, на основании «Первой всеобщей переписи населения Российской Империи» на 1897 г. можно представить иерархию учебных заведений, которые предпочитало дворянское сословие в Курской губернии. В процентном отношении цифры распределились так: университеты и другие высшие заведения – 9,9%, специальные и технические высшие учебные заведения – 1,8%, специальные средние учебные заведения – 3,2%, средние учебные заведения – 80,5%, высшие военные учебные заведения – 0,1%, средние военные учебные заведения – 4,5% [38, с.62].

На основе данных «Первой переписи населения» за 1897 г. можно установить, что в указанное время грамотных дворян обоего пола в

Курской губернии было приблизительно 1825 чел., из них обучались в учебных заведениях – 706 чел. (38,6%), 1119 чел. (61,4%) получали домашнее образование. Это говорит о том, что после реформ многие дворяне разорились и не могли платить за образование своих детей в учебных заведениях, поэтому обучали их дома. Из 890 грамотных дворян мужского пола получали образование в учебных заведениях 444 чел. (49,8%), дома – 446 чел. (50,1%). Грамотных дворянок – 935 чел., из них в учебных заведениях – 242 чел. (25,9%), дома – 693 чел. (74,1%).

К 1897 г. наметились изменения, все большее количество родителей стремилось дать детям образование вне семьи. Общее же количество грамотных дворян обоего пола было 3211 чел., из них обучались в разных учебных заведениях – 1930 чел. (60,1%), дома – 1281 чел. (39,9%). Грамотных дворян мужского пола – 1352 чел., из них – в учебных заведениях 743 чел. (54,9%), дома – 609 чел. (45,1%). Грамотных дворянок – 1859 чел., из них в учебных заведениях 1187 чел. (63,9%), дома – 672 чел. (36,1%) [38, с.62].

Ценный фактический материал по теме, дополняющий архивные материалы, взят из центральной и местной периодической прессы: газет, журналов («Губернские ведомости», «Русский архив», «Русский вестник», «Русская старина», «Воронежская беседа», «Исторический вестник» и др.) Особенно подробно история провинциальных городов отражена в «Губернских ведомостях».

Особый интерес представляют источники личного происхождения: дневники, мемуары, произведения эпистолярного жанра, содержащие информацию о быте провинциального дворянства Центрального Черноземья [27, 28, 30-35, 39, 40]. В этих источниках нашли отражение различные аспекты «культуры повседневности» усадьбы, менталитета владельцев, их отношения к жизни в провинции, что определяло многие стороны быта и роль усадьбы в качестве провинциального «культурного гнезда». В воспоминаниях Л.Е. Оболенского подробно описана усадьба его деда [35, с.108-109], а тамбовский помещик Н. Давыдов запечатлел повседневный распорядок жизни в семье родителей в усадьбе Кулеватове в конце 40-х гг. XIX в. [28, с.195]. В некоторых усадьбах строго придерживались определенного распорядка дня, обязательного для всех. Например, Л.Е. Оболенский писал о своем деде, курском помещике:

«В домике деда все шло, как заведенные часы. Утром он просыпался в своем кабинете и звонил; для этой цели из кабинета была проведена в кухню проволока колокольчика. От нее

над кушеткою деда висела широкая лента, вышитая бисером, с ручкой, за которую дед дергал, еще лежа в постели. Из кухни через зал приходил к нему лакей, Петр. Он нес принадлежности костюма и свежую воду для умывания [35, с.110].

Многие среднепоместные, но более всего мелкопоместные усадьбы представляли собой замкнутый мир, который нередко оборачивался своими отрицательными сторонами. Досуг здесь нередко заполнялся однообразными разговорами, игрой в карты или просто «ничего неделанием». «Как жили наши помещики? Пили, ели, спали и предавались самым обыкновенным в помещичьем быту развлечениям, вроде карт, попоек, охоты, катанья верхом, в лодках, экипажах и т.п.» [33, с.903], – так характеризовал В.С. Мышецкий помещиков Тамбовской губернии. Тамбовский помещик Н. Давыдов о повседневном быте своего отца вспоминал:

«Гостей бывало немного и не часто; в этом отношении жизнь отличалась от общепринятого в те годы помещичьего обихода, при котором прием у себя и поездки в гости были явлением обычным, выпивание также совсем не признавалось и не допускалось отцом, и водка даже не подавалась обычно к обеденному столу» [28, с.194].

Гости в сельские усадьбы обычно приезжали не на один день, их визиты нередко затягивались на неделю и более. Например, в Курской губернии:

«обыкновенно приглашали не на несколько часов, но на несколько дней, в течение которых вас кормят, забавляют, укладывают спать, пробуждают и опять кормят и забавляют» [34, с.308], «Три дня был самый кратчайший срок, в течение которого каждый должен был оставаться, и прежде которого весьма трудно было выбраться, разумеется, за исключением каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Любители жили по недели, по две, в ожидании другого праздника у другого помещика, куда и переезжали прямо» [31, с.315].

У простого народа образовалось особое мерило подобных праздников – по количеству лошадей, на которых приехали гости. «У нас, брат, гости были на 600-х лошадях», – говорил крестьянин своему приятелю из другого имения. «А у нас, летом, на Вознесенье, была без малого целая тысяча», – отвечал тот с чувством превосходства» [31, с.315-316].

Традиционной формой развлечений оставалась охота, которая являлась главным и излюбленным занятием дворянства, особенно поместного, «не было такого мелкопоместного дворянина, который не держал бы несколько борзых». У некоторых помещиков, живших в деревне, охота превратилась в подлинную страсть, на которую уходили огромные деньги, силы и время. С наступлением осени во многих поместьях начиналась подготовка к охоте. Организатором обычно становился какой-либо крупный помещик данного уезда, а его дом – местом сбора соседей. Из воспоминаний В.А. Инсарского следует, что

«с 1 октября М.С. Деменков открывал свою великолепную охоту, для чего съезжались к нему не только окрестные охотники, но и охотники соседних губерний со своими людьми, лошадьми и собаками. Охота занимала «столь видное место в быту мирного благополучия наших помещиков» [31, с.312].

В мемуарах современников не раз упоминается ритуал прощания с гостями, согласно которому хозяева «упрашивали» желанных гостей остаться хотя бы еще «на ночь». Особенно гостеприимные помещики обязательно давали гостям провизию на дорогу. Одних гостей хозяева провожали «с искренним сожалением», о других писали, что едва успевали их «сживать» или от них «освободиться». Но в любом случае, визиты и прием гостей являлись одной из наиболее важных составляющих быта провинциального дворянства.

Отмена крепостного права была по-разному воспринята владельцами дворянских усадеб. Б. Глинский писал о своем отце, помещике Тамбовской губернии:

«Крестьян он освободил охотно, наделил их достаточной землей и отслужил у себя во дворе, в присутствии всех бывших крепостных, молебен по случаю манифеста 19-го февраля» [27, с.63].

Характеризуя отношения между помещицей и крестьянами, другой автор вспоминал:

«К своей прислуге мама относилась очень душевно, входила в их семейные дела, советовала, помогала, защищала обиженных. От нас требовала, чтоб мы всегда были учтивы и предупредительны с служащими нам и не обременяли их ненужными требованиями» [39, с.247].

Нередко дворянские дети дружили с крепостными сверстниками. По воспоминаниям одного из курских помещиков:

«...нам разрешалось играть с крестьянскими мальчиками и девочками, и я до конца жизни сохранию к деду глубочайшую благодарность за эту систему... Это разрешение деда было для меня огромной драгоценностью в смысле телесного и умственного развития. Крестьянские дети, – это целые склады самых уточненных знаний о природе. Мы убегали довольно далеко в луга и болотца, перепрыгивали через ручейки, т.е. совершали «естественную» гимнастику. Ничто не могло так подробно ознакомить с бытом и обычаями народа, как игры, в которых воспроизводилась, как говорят дети «нарочно», вся крестьянская жизнь...» [35, с.111-112].

Цели и качество домашнего воспитания детей в дворянской среде Центрального Черноземья первой половины XIX в. зависели не только от учителей, но и от состоятельности семьи и ее духовной направленности. Детей обучали светским манерам, правилам приличия, иностранным языкам, музыке, пению, рисованию, танцам [28, с.193]. Домашний воспитатель занимался образованием девочек и мальчиков. Последние недолго оставались на его попечении, так как их ждала впереди школа, обязанности службы, карьера.

Довольно часто первыми учителями дворянских детей были их родители. Н. Давыдов писал:

«И отец, и мать занимались первым обучением своих детей, при чем мать занималась преимущественно старшими дочерьми, отец же учил маленьких русской грамматике и арифметике. В методах обучения обоих родителей сказывается их индивидуальный характер. Отец, пылкий и нетерпеливый, за прилежание и успех давал шоколадные лепешки, за невнимание и лень – щелчки. Мать обучала терпеливо и систематично, без лепешек и подзатыльников» [39, с.251].

Домашним образованием дворянских детей из богатых семей занимались обычно гувернантки, которые получали детей из рук крепостных нянюшки или дядьки. Гувернантки, домашние учителя были в основном иностранцами [28, с.193]. Жизнь в усадьбах детей, как и взрослых, подчинялась определенному порядку. Так, Л.Е. Оболенский рассказывал о детских годах, прожитых в Курской губернии:

«Наше утро было строго распределено... Прежде всего, мы должны были нарезать цветов, составить из них букеты и поместить их в вазы на назначенных местах. Затем полчаса мы повторяли уроки, заданные нам с вечера дедом. После повторения уроков мы до обеда отпускались гулять» [35, с.111].

Что касается наказаний, то считалось, что они должны соизмеряться с силами, природой и способностью переносить наказания, не должны превышать психическое и физическое развитие ребенка. Хотя нередко допускалось и физическое наказание [32, с.866], но более важным считалось нравственное воздействие. Как вспоминал Л.Е. Оболенский:

«если мы совершили какую-нибудь вину, единственным способом воздействия был такой прием: дед закрывал лицо руками и говорил, что он плачет. Мне становилось так его жалко, казалось таким ужасным преступлением, что я огорчил доброго старика, что я бросался к нему на шею со слезами, старался отнять его руки от лица и искренно обещал, что больше никогда не буду так делать...» [35, с.113-114].

Источниками, заслуживающими особого внимания и раскрывающими широкую панораму провинциальной жизни, дворянского быта, являются многие литературные произведения И.А. Бунина, И.А. Гончарова, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и других писателей.

В разнообразных источниках запечатлены сведения о пространстве, в границах которого протекала повседневная частная жизнь дворянина и его семьи, укладе жизни, своеобразной «среде обитания» дворянина, о внешнем облике дворян, окружающих их вещах, что позволяет составить правильное визуальное представление о материальной культуре эпохи, характере отношений между людьми и воссоздать исторические реалии времени.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области. – Ф.80. Белгородская мужская гимназия.
2. ГАБО. – Ф.82. Грайворонская женская гимназия.
3. ГАБО. – Ф.141. Личный фонд И.В. Старова.
4. ГАБО. – Ф.148. Белгородская дворянская опека.
5. ГАБО. – Ф.156. Личный фонд И.А. Григорьева.

Инна ОНОПРИЕНКО. К вопросу об источниковой базе ...

6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф.И-29. Воронежское дворянское депутатское собрание.
7. ГАВО. – Ф.И-30. Воронежский губернский предводитель дворянства.
8. Государственный архив Курской области. – Ф.20. Курская духовная консистория.
9. ГАКО. – Ф.32. Курский окружной суд.
10. ГАКО. – Ф.33. Курское губернское правление.
11. ГАКО. – Ф.59. Курская палата гражданского суда.
12. ГАКО. – Ф.68. Курское губернское по крестьянским делам присутствие.
13. ГАКО. – Ф.183. Курские женские гимназии.
14. ГАКО. – Ф.185. Курская мужская гимназия.
15. ГАКО. – Ф.294. Дворянская опека Курской губернии.
16. ГАКО. – Ф.341. Помещики и высшие чиновники Курской губернии.
17. ГАКО. – Ф.448. Рыльский уездный предводитель дворянства.
18. ГАКО. – Ф.1600. Следственная комиссия по делу помещицы Бри-скорн.
19. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Ф.40. Личный фонд В.Г. Безобразова.
20. ГАТО. – Ф. 107. Тамбовская губернская мужская гимназия.
21. ГАТО. – Ф. 161. Тамбовский губернский предводитель дворянства.
22. ГАТО. – Ф. 162. Тамбовская дворянская опека.
23. ГАТО. – Ф. 168. Тамбовское отделение государственного дворянского земельного банка.
24. ГАТО. – Ф. 1046. Личный фонд А.Г. Языкова.
25. ГАТО. – Ф. 1055. Личный фонд В.Д. Яковлева.
26. ГАТО. – Р-5328. Личный фонд В.М. Андреевского.
27. *Глинский Б.* Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. – 1894. – Т.58. – № 10. – С.57-85.
28. *Давыдов Н.* Из помещичьей жизни прошлого столетия // Голос минувшего. – 1916. – № 2. – С.188-200.
29. *Дрелякин А.М.* Белгород с уездом. Историко-статистический очерк. – Харьков, 1882.
30. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь... // Русская старина. – 1899. – Т.152. – № 1. – С.17-29.
31. *Инсарский В.А.* Воспоминания. Из быта наших помещиков. 1849–1850 // Русская старина. – 1874. – № 9. – С.301-322.

32. Карпинская Ю.Н. Из семейной хроники // Исторический вестник. – 1897. – Т.70. – № 12. – С.853-870.

33. Мышецкий В.С. Воспоминания // Исторический вестник. – 1896. – № 11. – С.878-918.

34. Новоселова Е.М. Воспоминания 50-х годов // Русская старина. – 1911. – Т.148. – №10. – С.98-111.

35. Оболенский Л.Е. Картинки прошлого // Исторический вестник. – 1906. – Т.106. – №10. – С.105-142.

36. Описание отдельных русских хозяйств. Воронежская губерния. – СПб., 1898. – Вып.IV. – С.43-57.

37. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / под ред. И.А. Тройницкого. IX. Воронежская губерния. СПб., 1904.

38. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897г. / под ред. И.А. Тройницкого. XX. Курская губерния. – СПб., 1904. – 315 с.

39. С.Б. Из недавнего прошлого (Бытовые очерки) // Русская старина. – 1910. – Т.141. – №7. – С.246-266.

40. Салов И. Умчавшиеся годы (Из моих воспоминаний) // Русская мысль. – 1897. – Кн.8. – С.1-18.

41. Терентьев А. Некоторые черты из вседневной жизни помещиков Бирюченского уезда прошлого и настоящего времени // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб.: Издание М. Де-Пуле и П. Глотова, 1861. – С.196-214.

42. Толстой Д.Н. Черты старинной помещицкой жизни // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. – Воронеж, 1894. – С.24-40.

Инна Оноприенко (Белгород, Россия). К вопросу об источниковой базе изучения дворянского быта в пореформенный период (на примере Центрального Черноземья)

Рассматривается источниковая база изучения дворянского быта в пореформенный период (на примере Центрального Черноземья), представленная архивными (неопубликованными) и опубликованными материалами, в том числе статистическими и справочными материалами, периодической печатью, мемуарными произведениями.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, источниковая база, дворянский быт, пореформенный период

Инна Онопрієнко (Белгород, Росія) До питання про джерельну базу вивчення дворянського побуту в пореформений період (на прикладі Центрального Черноземья)

Розглянуто джерельну базу вивчення дворянського побуту в другій половині XIX ст., представлену архівними (неопублікованими) та друко-

Инна ОНОПРИЕНКО. К вопросу об источниковой базе ...

ваними матеріалами, зокрема статистичними та довідковими, періодичною пресою, мемуарними творами.

Ключові слова: Центральне Чорнозем'я, джерельна база, дворянський побут, пореформений період

Inna Onoprienko (Belgorod, Russia) To the question on the base of sources of study of nobility way of life in a period after reforms (on the example of Central Chernozem'ya)

The article is devoted to primary sources for studying of noble life after 1861 year (case study Central Black Earth region). They include archival and published materials, in particular official statistics and reference books, social and political essays, periodical, memoirs.

Key words: Central Chernozem'e, source base, nobility way of life, period after reforms